
Тим ФРАНЦИСТИ

* * *

Глотать это утро, вычеркнув мысли, смыслы.
Ветром шуметь, качая сухие листья,
трамвайные нити струнами над бульваром.
«Это тебе», — шепнет, протянув гербарий,
Таривердиев, сыгранный на гитаре.

Медленных облаков надувная жвачка.
В старой джинсовке неба пятак-зачатка.
Только молчи да слушай ручьи рассвета.
Музыка даже там, где вибраций нету.
Ноты — на нити, мелодию — на кассету.

Этот прохладный воздух, осенний атом
легко превращают утро в прозрение, в фатум.
Но мысли о том, еще не успев развиться,
с шелестом ускользнут расторопной птицей.
Сдаться, напиться неба, не возвратиться.

Так и стоишь, сминая листву, покуда
не покачнется медленно влево утро.
И потекут на рельсы другие соки,
уничтожая золото на востоке.
Тикает стрелка, вновь обрета истоки.

* * *

Цветет сирень у пивзавода,
внося в обыденный пейзаж
невыполнимость перевода
с непостижимого на наш:

«Ну ни фи́га ж себе вот эти!
Офонареть! Какие те!»
Найти б среди густых соцветий
судьбу на пятом лепестке.

И здесь не «любит иль не любит»,
а что-то новое, поди.
У пивзавода ходят люди.
И где-то счастье впереди

Тимур Станиславович Францисти родился в 1979 году в городе Лиепая (Латвия). Учился в Латвийском университете на филологическом факультете. Окончил Балтийскую международную академию по специальности «Связи с общественностью». Публиковался в изданиях «Крещатик», «Prosòdia», «45-я параллель», «Дактиль» и других. Живет в городе Лиепая (Латвия).

маячит золотом рассвета
над темно-серой мостовой.
Я подарю листочек этот
тебе одной, тебе одной.

* * *

Найти себя уставшим от стихов
на Колокольной, в центре Петербурга,
свернувшим в дудочку памятую брошюрку
и пить мелодию чужих материков,
как терпкий чай из лавки на углу,
где продавец шептал, как заговорщик:
«Вот дахунпао, заваренный для торча,
и прочий замечательный улун».
Как и тогда (я только посмотреть),
ни с чем оставив продавца-на-страже,
идти под музыку дуды бумажной,
пообещав вернуться впредь
сюда, к себе, уставшему слегка,
в район широкого купринского заула,
чтоб отделять мелодию от гула
наверняка.

* * *

Клена зеленый выстрел. Неба сырой бетон.
И разлетятся брызги. И потекут о том,
что непременно было с кем-то другим: со мной.
Лиственное кропило. Прямо со дна бутылок
памяти неземной.
По загорелой коже рюмкой за воротник.
Выстрелом потревожен времени маховик.
Пахнет горячим кофе с нотами коньяка.
И замерев на вдохе, я повторяю профиль
мнимого паренька
в демисезонной куртке, в шапочке-петушке.
Бабушка держит руку крепко в своей руке.
Перетекает время из рукава в рукав,
с неба летит на темя точками по ступеням
вымоленных октав.

* * *

Оттепель. Дворник, несущий весло
с видом Харона,
щурится, определяя число
года «короны»,
чтоб, проникая лопатой сквозь
снежную жижу,

тронуть земную остывшую ось,
сдвинуть поближе
новое утро оттуда, извне
спальных районов.
Ты наблюдаешь рассвет, на окне
запечатленный
розовым морем, стекающим вниз
на пол. Снаружи.
И замираешь в сиянии брызг.
Обезоружен.

* * *

Такая рань, что тишину квартала
охота выпить, зажевав строкой
в одно лишь слово с языка: светало,
на продолжение махнув рукой,
закрытой плотно трикотажем худы
(еще-не-утро замедляет ртуть).
И поглощается молчанье грудью,
освобождая от глагола грудь.
Еще-не-утро все еще не жизни,
опять отложенной на пару лет.
Дрожит прохлада голубою призмой,
новорожденный преломляя свет,
чтобы под этой высотой каштана
за тишиною постигалась грань,
однажды стертая О. Мандельштамом
почти в такую же, наверно, рань.

* * *

Перемена погоды. Трафик листвы на запад
по одной из каблук не радующих аллей,
чье название вспомнит только хлебнувший граппы
доходяга с улыбкой типа «сперва налей».
И отвалит, взглянув на горлышко с укоризной,
загребая ногами остовы ржавых шхун.
В палестинах текущих сепия правит призму.
И слова заполняют вакуумы лакун.
Так и я на ветру глотаю не граппу — сырость,
по макушку войдя в сгущающийся поток.
Перемена погоды на местности, где я вырос,
возвращает к желанию двигаться на восток,
оставаясь при этом внешне вполне статичным,
нивелируя колебания пол плаща,
за которыми угадается нечто птичье,
уносящее в дымку счастье на букву «ща».